

А. С. Александров

ОТКЛИКИ КРИТИКОВ-ФЕЛЬЕТОНИСТОВ И «МЕДИЦИНСКИЙ ТЕКСТ»¹

Резюме

Предметом исследования являются статьи А. А. Измайлова, К. И. Чуковского, А. В. Амфитеатрова — ведущих критиков начала XX в., сотрудничавших с массовой периодической печатью. В статье рассматриваются примеры привлечения медицинского текста в фельетонной критике. Прослеживаются причины, по которым терминология из врачебной практики становится частью критики. Рассматриваются два типа откликов на художественные тексты, в которых появляется медицинская терминология. В работе выявляется эволюция взглядов критиков-фельетонистов на медицинский дискурс, в результате которой оказался возможен серьезный диалог медицины и литературы.

Ключевые слова: медицинский текст, фельетонная критика, рецензии, А. А. Измайлов, К. И. Чуковский, А. В. Амфитеатров

Alexander S. Alexandrov

FEUILLETONISTS' CRITIQUE AND "MEDICAL TEXT"

Abstract

This is a study of the use of medical text by Alexander A. Izmailov, Korney I. Chukovsky, and Alexander V. Amfiteatrov, leading Russian critics of the early 20th century, in feuilletons published in mass periodicals. The article considers two situations when critics used medical terminology in their critical responses to literary texts. One type of such a critique addressed literary texts that were related to medical issues and themselves contained medical terminology. In other cases, the use of medical terminology in critical responses was not called forth by the contents of the criticized texts. This study examines the reasons

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, в ИРЛИ РАН.

why the terminology associated with the practice of medicine became part of the critique. Moreover, this study reveals an evolution of the views of critics-feuilletonists on medical discourse and points out that this phenomenon gave rise to a serious dialogue between medicine and literature.

Keywords: medical text, feuilleton criticism, reviews, Alexander A. Izmailov, Korney I. Chukovsky, Alexander V. Amfiteatrov

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-120-126

На рубеже XIX—XX вв. заметную роль в литературном процессе играли критики, работавшие в массовой периодической печати в жанре фельетона. Среди ярких представителей этого направления — А. А. Измайлов, В. Ф. Боцяновский, А. В. Амфитеатров, К. И. Чуковский — сотрудники либеральных изданий начала XX в. (см.: [Александров]). Ориентируясь в своей деятельности на массовые слои городского населения, критики-фельетонисты стремились в своих статьях «„потрафить“ публике и ни на минуту не утомить ее внимания» [Измайлов 1901]. В погоне за занимательностью они прибегали к разным средствам выразительности и теоретическим поискам.

Фельетонисты постоянно заявляли, что языковой инструментарий в сфере литературной критики не готов к тем бурным переменам в художественной литературе, которые происходили на рубеже XIX—XX вв., требует определенной донастройки и корректив. А. А. Измайлов отмечал: «...мы еще только ищем терминов, еще нащупываем определения»; «...мы еще пользуемся услугами неуклюжих, лишенных гибкости, косолапых слов, и еще не уверены и дрожат наши ищущие руки» [Измайлов 1910, с. 217].

На рубеже веков возрос интерес литературы к медицинским темам — физиологии, различным болезненным проявлениям, патологиям. К тому же в это время особую популярность приобретают исследования врачей-практиков. Это работы И. Мюллера (1801—1858) — немецкого физиолога, проповедника здорового образа жизни, итальянского психиатра Ч. Ломброзо (1836—1909), а также врача-психиатра М. Нордау, и главным образом его книга «Вырождение» и др. исследования². Среди работ отечественных врачей-практиков наибольшее влияние имели книги Н. Н. Баженова (1857—1923) «Психиатрические беседы на литературные и общественные темы» (1903) и «Символисты и декаденты: Психиатр. Этюд» (1899), В. Ф. Чижа (1855—1922), издавшего патографию «Болезнь Н. В. Гоголя» (1904)³. Труд

² Подробнее о влиянии идей Нордау см. в целом ряде работ, например: [Николози; Сироткина; Кубасов].

³ О нем подробнее см.: [Сироткина, с. 30–42].

С. С. Корсакова (1854—1900) «Курс психиатрии» (1893), имевшийся в библиотеке А. П. Чехова, позволил М. С. Свифту проследить в образе главной героини рассказа «Душечка» симптомы психопатии [Свифт, с. 85—100]. Отметим также работы В. М. Бехтерева и его многочисленные публикации в газете «Биржевые ведомости». Общей психиатрии и медицине в целом, а также связи литературы и медицины посвящались многочисленные публичные лекции, отдельные печатные выступления как практикующих врачей, так и дилетантов.

В откликах литературных критиков, сотрудничавших с массовой периодической печатью, четко прослеживаются два типа включения медицинского текста в ткань рецензий.

С первым типом таких инкорпорирований мы сталкиваемся, когда литературное произведение непосредственно посвящено медицинской теме: конкретным патологическим проявлениям, социальным проблемам, связанным с врачебной практикой, и пр. В откликах на такие произведения медицинская терминология появляется прежде всего из-за тематики рецензируемого художественного произведения. Многочисленными диагнозами, подчас с натуралистичными описаниями хода болезни, пестрело отечественное литературно-художественное пространство: психические, невротические заболевания — психозы, неврозы, эпилепсия, лунатизм, шизофрения, паранойя («Мелкий бес», «Жалю смерти», «Тени» и др. произведения Ф. Сологуба, «Черные маски», «Проклятие зверя» Л. Андреева и многие др.); болезни, вызванные социальными проблемами, — туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм («Лесная топь» С. Н. Сергеева-Ценского, «Счастье» М. П. Арцыбашева и др.); инфекционные заболевания, сопровождающиеся нарушениями сознания на фоне сильной лихорадки и интоксикации, — тиф или «гнилая горячка» и «нервная горячка» и прочие всевозможные лихорадки («Лихорадка» А. Н. Толстого) и пр. Художественные произведения наполнились реальными и потенциальными пациентами, «мраморными столами клиник», описанием кабинетов дерматологов, подробными описаниями хода болезней. Критик А. А. Измайлов для определения художественных произведений, тематизировавших разные патологии, вводит понятие «патологическая беллетристика». В своей книге «Помрачение божков и новые кумиры», посвященной современным тенденциям в литературе, он помещает отдельную главу «У стола клиники. (Патологическая беллетристика)», где делает ряд важных замечаний и полемизирует с Нордау, предлагая взглянуть на тенденции в литературе с точки зрения не «вырождения», но неврастности: «На нашей памяти умный и злой парадоксалист подвел всю мировую жизнь под термин „вырождения“. Несравнимо более оказался бы прав тот,

кто взглянул бы на новое искусство и новую жизнь с точки зрения простой неврастении» [Измайлов 1910, с. 125–126]. И далее: «Страшные призраки гнусных болезней, высунувшись из углов калинкинских больниц и кабинетов дерматологов, силились обнять отвратительными объятиями гнойных рук русского литератора и с омерзительным кокетством кривили рот в улыбку, показывая зубы, едва держащиеся в источенных гниением деснах. Одевайте перчатки, когда вы собираетесь читать произведения, какие написал талант в союзе с медиками и сифилидологами!» [Измайлов 1910, с. 102].

Во втором случае медицинский текст в литературной критике становится частью разговора о литературе вне связи с тематикой произведения. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в откликах на ранние произведения модернистов, когда критики в своих обзорах пытались поставить диагноз новому течению в литературе. Отношение к новому искусству — поэтике «смутного, неопределенного» — как к продукту «больной психики» было характерным для писателей позитивистской направленности. Например, как отмечает Н. Ю. Грякалова, в публицистике А. В. Амфитеатрова «медицинскую оценку получили почти все писатели-модернисты, ставшие свидетелями мутации позитивистской эпистемы и отразившие этот процесс как на уровне разрабатываемых ими литературных стратегий, так и избираемых моделей жизненного поведения» [Грякалова, с. 55]. Измайлов неоднократно заявлял в своих статьях, что современная литература есть «клиническая литература». В статье с показательным заглавием «Неврастенический век и неврастеническая литература» автор пишет: «В своей парадоксальной книге Нордау назвал современный век веком вырождения. Медицинский термин — вот разгадка современных настроений, современного искусства и литературы» [Измайлов 1907, с. 3]. В откликах на драматические произведения Блока критик неоднократно вменял поэту расстройство ума, о чем впоследствии вспоминал без сожаления: «Иногда, как в „Балаганчике“ и „Незнакомке“, он так жестоко порывал со здравым смыслом, что становился вне критики, и я не сожалею о тех злых словах, какие не раз мне приходилось говорить о Блоке по поводу этих вещей» [Измайлов 1910, с. 221].

Медицинский текст в рецензиях критиков не отменял серьезного разговора о литературе. Такие примеры в литературной критике встречаются не только в рецензиях на произведения, в которых речь идет о всевозможных болезнях, а действующими лицами являются врачи и пациенты. Например, с помощью специальной терминологии литературные критики метафорически пытались актуализировать произведения современников.

Показательна в этом отношении статья К. И. Чуковского «Утешеньшико людишкам», посвященная «проклятым» вопросам русского общества:

бедности, несправедливости жизни — «вечной теме» произведений Горького. В фокусе критика «Детство», «На дне», рассказы 1912–1915 гг., вошедшие в сборник «По Руси», которые он сравнивает с «лечебником», усиливая анализ названных произведений проекцией на медицинскую ситуацию, при этом сам критический текст густо насыщается медицинской терминологией:

«С детства его так ошарашили человеческие раны и боли, что он чувствует их, как свои. Хоть как-нибудь облегчить, залечить! — только об этом и думает. Это стало его помешательством. Род человеческий болен, весь в язвах и омерзительных струпьях, а Горький, — лекарь, лечитель, целитель, — придумывает рецепт за рецептом и торопит, посылает в аптеку: скорее! иначе — беда!

Его книги — лечебники, собрание рецептов; недаром в его публицистике столько лекарских докторских слов:

- Общественная гигиена...
- Духовное оздоровление общества...
- Нездоровые нервы общества...
- Зараза...
- Болезни национальной психики.
- Болезни, воспитанные в русском человеке...

Таковы его ежеминутные термины.

Нужно вылечить, оздоровить людей: ведь они красавцы, таланты, святые! Уничтожьте нарывы, прыщи, покрывающие атлетическое тело народа, и вы увидите, как оно дивно-прекрасно. Оно и сейчас восхитительное, но запаршивило от маятной жизни: ему нужны фельдшера, санитары. Горький один из таких: все свои идеи, доктрины всегда превращал в лекарства. Прописывал их пациенту, как порошки или мази. То пропишет анархизм, то — марксизм; то — нищезанятие, а то — коммунизм, но всегда убежден фанатически, что его последний рецепт — самый лучший: что он-то и спасет пациента.

И все его герои — вместе с ним — охвачены единственной мечтой: как бы излечить, исцелить. Они такие же врачи, как и он. Прочтите его книжку „По Руси“, вышедшую одновременно с „Детством“, там у каждого свой собственный рецепт и свой собственный метод лечения. (...) И каждый в одиночку из жалости выдумывает какую-нибудь свою панацею — свои припарки, примочки, чтобы залечить эти кровоточащие язвы или хоть на минуту анестезировать боль. Такие самозванные лекари маятно-живущих людей Горькому родственно-милы. Пусть их лекарства смешны и беспомощны...» (Чуковский, т. 7, с. 634–636). В этом отрывке Чуковский демонстрирует

блистательное владение медицинской терминологией, а представленный отзыв является ярким примером разъяснения идеи художественного произведения языком врачебного искусства.

Измайлову, например, «медицинский текст» помогает акцентировать внимание читателя на «шаблонности» «прикладных рассказов на темы революции», наводнившие редакции газет и журналов после событий 1905 года. Указывая на эту тенденцию в литературном процессе, критик отмечал: «В этих повестях и драмах „на заказ“ и „на вырез“ все совсем по-аптечному: прописан рецепт, указаны порции, *mixtur, detur, signatur!* За доктора — литературный фельдшер такой-то...» [Измайлов 1910, с. 59].

Таким образом, критики-фельетонисты, следя за новинками литературы, оказались вынуждены погрузиться в нюансы физиологии и клинической психологии, психиатрии. Осваивая новые области знания, журналисты невольно вынуждены были включать в свои отклики медицинские термины, следуя в этом за словесностью, активно осваивающей новые темы, актуализированные на рубеже XIX—XX вв. Критики поначалу, относясь в большинстве своем с недоверием к откровенным проявлениям натурализма, выразившимся в подробном описании всевозможных болезней, и реагируя на такие произведения порой резко саркастически, впоследствии включились в серьезный диалог медицины и литературы. А сам критический текст обогатился специальной лексикой, дефицит которой особо был ощутим в эпоху смены литературных направлений.

Литература

- Александров — Александров А. С. «Фельетонная критика» в литературном процессе 1880-х — 1900-х гг. // Писатель — критика — читатель: Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX в.): Коллективная монография / Отв. ред. А. С. Александров. СПб.: Росток, 2021. С. 408–438.
- Грякалова — Грякалова Н. Ю. Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 382 с.
- Измайлов 1901 — Измайлов А. А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. № 309, 12 ноября. С. 1–3.
- Измайлов 1907 — Измайлов А. А. Литературные заметки: неврастенический век и неврастеническая литература: стихи И. Рукавишника // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. № 9798, 16 марта. С. 3.
- Измайлов 1910 — Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1910. 251 с.
- Кубасов — Кубасов А. В. Идея «вырождения» в поэтике и криптопоэтике А. П. Чехова // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 19 (3). С. 206–221.
- Николози — Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

- Свифт — *Свифт М. С.* «Душечка»: Рассказ о любви неустойчивой личности // Диалог с Чеховым: Сб. науч. трудов в честь 70-летия В. Б. Катаева / Отв. ред. П. Н. Долженков. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 85–100.
- Сироткина — *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века / Пер. с англ. автора. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
- Чуковский — *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.

References

- Aleksandrov, A. S. (2021). '«Fel'etonnaya kritika» v literaturnom protsesse 1880-kh — 1900-kh godov', in: A. S. Aleksandrov, ed. *Pisatel' — kritika — chitatel': Mekhanizmy formirovaniya literaturnoi reputatsii v Rossii vo vtoroi polovine XIX — pervoi treti XX veka*. Kollektivnaya monografiya. Saint Petersburg: Rostok, 408–438.
- Chukovskii, K. I. (2012–2013). *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd.
- Gryakalova, N. Yu. (2008). *Chelovek moderna: biografiya — refleksiya — pis'mo*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 382 p.
- Izmailov, A. A. (1901) 'Literaturnye zametki', *Birzhevye vedomosti*, 309 (Nov. 12), 1–3.
- Izmailov, A. A. (1907). 'Literaturnye zametki: nevrastenicheskii vek i nevrastenicheskaya literatura: stikhi I. Rukavishnikova', *Birzhevye vedomosti. Utrennii vypusk*, 9798 (March 16), 3.
- Izmailov, A. A. (1910). *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry: Kniga o novykh veyaniyakh v literature*. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina, 251 p.
- Kubasov, A. V. (2021). 'Ideya «vyrozhdeniya» v poetike i kriptopoetike A. P. Chekhova', *Problemy istoricheskoi poetiki*, 19 (3), 206–221.
- Nikolozzi, R. (2019). *Vyrozhdenie: literatura i psikhatriya v russkoi kul'ture kontsa XIX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 512 p.
- Sirotkina, I. (2008). *Klassiki i psikhiatry: Psikhatriya v rossiiskoi kul'ture kontsa XIX — nachala XX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 272 p.
- Svift, M. S. (2009). '«Dushechka»: Rasskaz o lyubvi neustoichivoi lichnosti', in: P. N. Dolzhenkov, ed. *Dialog s Chekhovym: Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya V. B. Kataeva*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 85–100.